

ЖИВОЙ ОГОНЬ

Подтоп внизу справа приоткрыл, заслонку печную вытянул. Посыпалась кирпичная крошка. Чихнул. Смешно стало.

Сел на низкую деревянную скамейку. Колени привычно скрипнули.

Газетку вытащил наугад из стопки, сложенной рядышком. Быстро смять и – в топку. А то сейчас зачитается какой-нибудь забавной ерундой из старых новостей.

Запах и сырость старого заброшенного дома дополнились тёплым духом горящей газеты. Через некоторое время загудело в трубе. Значит, уже можно класть дрова в главный печной зев. Побежит, разгорится пламя по берёзовым дровишкам. Дрова щё от прежнего хозяина остались, в поленницу вдоль задней стены дома сложенные. Занялось быстро. Хорошо.

* * *

– Я тебе денег пришлю! Ты только приезжай! – Он так разволновался, что, кажется, почти кричал. – Камин затопим, у огня посидим… Приезжай, слышишь?!

Он, молча, не отрываясь, смотрит на огонь, что танцует за стеклом, языки показывает… Огонь.

Тут, у камина с живым дровяным огнём, в трёх тысячах километров от Москвы, он вдруг вспомнил девочку, ровесницу сына. Теперь уже взрослую женщину. Соседку по даче. Когда-то у них не сложилось с его сыном. Но чувства остались. Такие – общие семейные. А ведь он уже почти забыл о ней, как и обо всем прошлом, летнем, дачном, чего почти и не было. Надо было забыть, отбросить. Признать не нужным себе. В России стало неспокойно, тревожно. Больше он туда не ездок. Когда-то это было, но обойтись можно запросто. Подумаешь!..

– А помнишь? Ты помнишь? – продолжал он мысленный диалог с ней.

Она должна была помнить.

* * *

Задумался, а, может, и газетой старой всё-таки зачитался. И вдруг огоньки в стареньком окне замелькали. Один, два, три. Фонарики. Девчонки носы к стеклу прижимают. Три её дочки. И она с ними, смеётся.

Открыл им дверь. Вошли. Дом наполнился говором, шумом, возней и смехом, как бывает только от нескольких маленьких людей сразу.

Поставили на плиту печи чайник, он быстро закипел. Накрыли журнальный столик, чем было. Посуду и сладости натаскали из большого дома, тёмного и неуютного.

Играли в печном полумраке на слегка расстроенном пианино. Девчонки несколько раз принимались петь, но каждый раз сбивались на смех.

А часов в десять вечера вдруг дали свет. Загорелась старая пыльноватая люстра под потолком. Жалко...

* * *

Сел в тот вечер у огня. Зима. В его новом городе по русским меркам не холодная, но в каменном доме промозгло. Кондиционером толком не просушишь. А живой огонь – другое дело.

Вдруг вспомнил, как однажды летом выключили в их подмосковном дачном посёлке свет. А хозяйка дома, его бывшая жена – женщина новой формации – всё «завела» на электричество. И водоснабжение, и газовое отопление. Вообще, дачу она не любила и воспринимала, скорее, как выгодное вложение денег. Никогда здесь надолго не оставалась. Он жил летом на участке один. Подолгу.

Лет пять назад, когда были деньги, они прикупили у соседей домик. Избушку полуразвалившуюся. Но в ней была настоящая печка. Туда-то он и пошёл от августовской вечерней сырости и тьмы спасаться. Разжёг печку не спеша, по порядку...

* * *

Ещё недавно, кажется, сидели они с девочкой-соседкой долгими летними вечерами на качалке в саду. Говорили обо всём подряд. О детях вот. О дачном быте.

Она была замужем. Детей рожала. Всё девок. И у него только внучки. Дочки сына. И хорошо.

От лета к лету девчонки росли. Потихоньку подрастали и взрослые.

* * *

Сын в Израиле женился на женщине, с которой у него, свёкра, нет даже общего языка – поговорить. Большая красивая женщина, но трудно представить себе кого-то более чужого, чем она.

И вот в тот вечер он смотрел-смотрел на эту «свою» девочку. И всё путалось в печном мареве и в фонарном свете: то ли она ему желанная невестка, то ли любимая. А у него и сын есть, и дочь. И он многим своей дочери обязан. Она так хорошо заботилась о нём в новой жизни, в новом доме на новом месте, что даже не пришлось во второй раз жениться. Женщины – были. Жены – больше нет. Чувство дома, уют, покой сохраняет родная дочка. Но эта девочка – другое совсем. И объяснить-то непросто.

* * *

За грибами с ней ходили. Поутру, раненько. Сапоги резиновые, в руки – палка, в каждый карман – по пустому целлофановому пакету из супермаркета на случай неожиданного «улова». Иногда и ничего не наберут. А и ладно. Есть маршрут, до стула полуразвалившегося, в чащу выброшенного, дойти. Кто-то ведь принёс сюда этот стул, чтобы выбросить. Дошли, и – молодцы! Можно обратно.

А был год, когда и на участке у него белые грибы проклонулись и подрастали день за днём.

В тот год и земля была щедра, и мир был щедр и изобилен. Это с ней что-то такое случилось, с девочкой. Она любила и дарила. Отдавала. Он понимал, что не он, старик, тому виной. Он почти знал, в чём дело. Но обмануть его было нетрудно. Она приходила, садилась рядом, молчала, улыбалась, и лицо её светилось живым женским огнём. Они вместе пили чай, ели гречневую кашу, и всё было хорошо. Просто хорошо.

В то лето на даче гостила не только его дочь, но и сын...

* * *

Ему 74 года. Он журналист и драматург, теперь ещё и блогер. Счастливый отец и дед. Высокие отношения с бывшей женой – заслуга обоих. Ладят, помогают друг другу, поддерживают. Хоть и в разных странах теперь. Вот ведь как!

* * *

Все чувства соседка всегда прятала куда-то, улыбалась смущённо, взглядала вдруг сквозь очки, как будто откуда-то изнутри вырывалась наружу какая-то глубинная человеческая суть. Очень спокойно вела себя, говорила негромко и немного. Только один раз вспыхнула, по-настоящему

расстроилась. Принесла ему свои стихи. Или прислала? "Поищем грибов, смысла жизни поищем..." Он даже рассмеялся. Грибов – да, сколько угодно. А вот со вторым – что за ерунда?

Дочке своей рассказал. Посмеялись вместе. При ней посмеялись. И он твёрдо сказал, что никогда ни про какие поиски смысла жизни не говорил и говорить не мог. Путает она.

Почему-то возник в разговоре старик Фрейд со скабрезным анекдотом про его собственную дочь и приснившийся ей банан. Высмеяли, вдвоём – одну. Она сдалась. Что ж, спутала, значит, спутала. Он действительно не помнил. Было за ним такое, много всякого говорил для красного словца. Литератор всё-таки.

А вот чтобы смысл жизни искать? Да ну нет. Вот ещё!

«Смысл жизни – в самой жизни». И – достаточно.

А ведь мог... Да, мог и такое ляпнуть. Так она на него действовала, бывало. Но не сознался. За дочку спрятался.

А сейчас вспомнил и вздрогнул. Холодно как! Ознооб, провал куда-то, в непонятное. Туда, где помнишь, что кого-то обидел. И теперь уже ничего не поделать...

* * *

Вот же он, смысл, девочка: эта избушка с шуршащими по тёмным углам мышками, эта старенькая печка и это жалкое пианино, и дачный чай из разных кружек – все со щербинками, за что и сосланы на дачу. И угощение – вкусное необыкновенно, что бы там ни попалось; и огоньки фонарей; и эти новые люди. Они будут жить, когда нас с тобой уже не будет.
Представляешь? Вот и всё. А ты – «смысл».

Они ушли, в свете фонарей и в мягкому гур-гуре доброй болтовни. Старшая – с наушником в одном ухе. Меломанка. Танцует. Красивая очень. Фигуристая девушка. Средняя – волнистая, пышистая, на язык только острыя и резкая. Не лирик. А маленькая – лопушок-одуванчик, ушастенькая, глазки умные, добрые...

Открыл печной зев. Меленькие угольки ещё вспыхивают красными язычками. Но голубых сполохов уже нет. Значит, пора закрывать трубу. Тёплую улицу греть ни к чему.

* * *

Он понял, что именно всё время хотел ей сказать. Иногда был уже совсем готов, но – что-то мешало, перебивали. Говорил глупо. Мол, была бы ты моей невесткой. Нет, не была бы. Ерунда бы вышла. У этой девочки с его сыном далеко не всё хорошо вместе получалось.

Позвать. Дорогу оплатить. Может, приедет? «В чём смысл жизни?»
Как будто помирать собрался.

– Ну, напиши ей письмо, не знаю! Позвони по Скайпу. Какая-то блажь!
«Глаза в глаза», «наедине». Всё-таки – найти подходящий момент и сказать,
– не с ней он говорил, с собой...

«Я бы хотел, чтобы ты была моей дочкой».

* * *

Встал со скамеек, колени не сразу, но распрямились. Шажок, другой.
Потянулся кверху и с силой вдвинул заслонку в щёлку кирпичной красной
трубы. Вечер окончен.

Он никогда ей не позвонит.